

— Володя, так получилось, что в последнее время я нашу эстраду не люблю. Но вот в программе «Добрый вечер, Москва!» я увидела вашу пародию на «Ласковый май»... Это выступление и можно считать вашим дебютом?

— Этот «дебют», конечно, уже не дебют. Это вообще шаг несерьезный. История проста: по всей стране шло поголовное увлечение «Ласковым маем», и мы с Сережей Минаевым решили спеть «веселую» шутку, «ласковую» пародию на «любимый» коллектив.

— А вы вообще поете серьезно?

— Я серьезно отношусь к шутке, я серьезно отношусь к смеху, я серьезно отношусь к юмору. Мой дебют состоялся в передаче «Веселые ребята», когда я спел настоящую дворовую песню «Самый симпатичный во дворе». По жанру это юмористическая ностальгия, пародия на самого себя, каким я был в 17 лет...

— А сейчас вам?..

— ...Тридцать один, а в семнадцать мы все брали в руки гитары. Совсем серьезно я начал петь уже студентом энергетического института, пел именно дворовые песни, из тех, которые все знают, когда-то слышали, но мало кто интересуется их авторами.

Так получилось, что я долго искал свое собственное лицо на эстраде. Мне одинаково интересно было придумывать, сочинять, петь, танцевать, участвовать в капустниках. И вот примерно год назад идеи воплотились в жизнь: родился творческий коллектив под названием «Трудное детство». Его участники одновременно и музыканты, и аранжировщики, и звукорежиссеры, и композиторы, и шоумены. Название же пошло от той первой дворовой песни. Мы нашли свой имидж — имидж трудных подростков...

— Вам нравится играть в детей?

— Да, наверное. Хотя немножко и нет. Мы всегда сохраняем некоторую дистанцию между персонажем и исполнителем. И часто меняем ампулу. У нас очень много идей, и иногда кажется, что не хватит сил и времени все их осуществить.

— Мне кажется, что период любого детства, тем более трудного, должен когда-то закончиться.

— Ну, во-первых, в экономических условиях нашей страны лучше подольше находиться в состоянии любого «детства». А если серьезно, то «Трудное детство» — это не уголовщина и не безголосые девочки и мальчики. Это отношение к самим себе. Самоирония. Стиль нашей жизни: смех и слезы, радости и огорчения. Это те нормальные человеческие эмоции, которые мы испытываем в семнадцать лет. И, честно говоря, хотелось бы, чтобы мы всегда чувствовали, как в семнадцать. Новая программа, над которой мы работаем, «Шуба—дуба—шоу» — это «Поем, играем, смеемся, грустим, вспоминаем вместе с вами».

— Вы никогда не жалели, что помнили размеренную и серьезную профессию инженера на беспокойную и неблагодарную — эстрадного певца?

— Профессия певца далеко не неблагодарная. Когда я подолгу засиживаюсь дома, не имея возможности в течение двух недель выступать перед зрителем, я чувствую, насколько мне не хватает волнений зрительного зала. Если бы в любой другой профессии люди получали столько слов благодарности, сколько получает артист, то мы скорее бы выбрались из бесконечного кризиса.

ТРУДНЫЕ РАДОСТИ

ПОПУЛЯРНОГО ПЕВЦА
И МУЗЫКАНТА
ВЛАДИМИРА МАРКИНА

А вот сожалею я о том, что в сутках только двадцать четыре часа. А еще, основательно поездив по стране, я понял, что у нашего народа слишком мало радости. И пусть это не прозвучит выпрепно, но я надеюсь, что с моей новой программой ее станет чуть-чуть больше.

— Для вас важно, кто придет на ваш концерт?

— Более чем. К сожалению, на концертах принято, что несколько сотен разгоряченных подростков подсказывают к сцене, а остальные даже не видят происходящего. В этот момент артист может запросто схалтурить, «отчесав» одно и то же под фонограмму, — зал все равно заведен. Я хочу, чтобы мой зритель сидел. Для меня важно, чтобы в такт моим песням не только топали, но и подпевали, смеялись, грустили.

На нашу новую программу «Шуба—дуба—шоу» я хочу вернуть нормального зрителя, который, к сожалению, на эстрадные концерты уже не ходит. Его накормили таким количеством ора и крика,

что он предпочитает отсиживаться дома. Именно поэтому, мне кажется, в последнее время такая популярность у Саши Малинина. Зрителя посадили в зал, и хорошим голосом под хороший оркестр исполняют просто хорошие песни.

— Мне тоже нравится Малинин, но вот парадокс — в опросах общественного мнения, проводимых некоторыми газетами, я пока не встречала Малинина в десятке лучших певцов месяца...

— Я не верю ни одному опросу, проводимому ни одной газетой. Извините, но мне кажется, что все это липа...

— Похоже, и вам тоже не все нравится в советской эстраде?

— «Нравится — не нравится» — это вопрос для тех, кто слушает. Я причисляю себя в некоторой степени к профессионалам, и мне непросто оценивать коллег. Я очень люблю Аллу Борисовну Пугачеву. Мне нравится Александр Градский, «Машина времени» — классика нашей эстрады.

Не только трагическая смерть ставит в этот ряд Виктора Цоя. Для меня Виктор Цой был не просто Явлением. Он смог, что называется, «не поддаться перестройке». Многие так называемые «рокеры» после того, как все было разрешено, обнаружили и свою творческую несостоятельность, и свое моментальное умение приспособиться к новой эстрадно-кассовой ситуации. Мне кажется, что Цой любил и всегда будут любить за то, что он был упрям, непримирим и честен.

...Александр Башлачев, Виктор Цой... Не дай бог, этот список будет продолжен... Наверно, никогда нельзя будет ответить на вопрос, почему из жизни уходят лучшие...

Ю. БРАГИНСКАЯ.